

ARTHUR C.
CLARKE

3001

THE FINAL ODYSSEY

'HE IS THE PROPHET OF THE SPACE AGE' THE TIMES

Артур Чарльз Кларк

3001: Последняя Одиссея

Серия «Космическая Одиссея», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=148141

Оригинал: Arthur Clarke, "3001: The Final Odyssey", 1997

Перевод:

Юрий В. Морозевич

Аннотация

Благодаря медицинским технологиям 3001 года астронавта Фрэнка Пула (см. «2001: Космическая Одиссея»), мертвое тело которого дрейфовало в открытом космосе тысячу лет, возвратили к жизни.

Вместе с ним мы побываем на Земле будущего и узнаем что достигло человечество на рубеже четвертого тысячелетия.

—

Это любительский перевод книги, сделанный непрофессиональным переводчиком.

Содержание

ПРОЛОГ	4
I – СТАР-СИТИ	8
1 Кометный ковбой	8
2 Пробуждение	14
3 Реабилитация	17
4 Обзорная палуба	28
5 Обучение	36
6 Мыслитель	43
7 Расспросы	55
8 Возвращение в Олдувай	66
9 Небесная страна	69
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Артур Кларк

3001: ПОСЛЕДНЯЯ ОДИССЕЯ

*Херен, Тамаре и Мелинде –
может быть вы будете счастливы
в далеком столетии, лучшем чем мое*

ПРОЛОГ

Перворожденные

Назовем их Перворожденными. Даже отдаленно не будучи гуманоидами, они все же были из плоти и крови, и когда они заглянули в бездны космоса, то почувствовали страх и удивление – и одиночество. Овладев достаточной силой, они начали искать братьев среди звезд.

В своих исследованиях они столкнулись с жизнью во многих формах и наблюдали работу эволюции на тысяче миров. Они видели, как часто первые слабые искры разума вспыхивали и умирали в космической ночи.

Во всей Галактике они не нашли ничего более драгоценного, чем Разум, и повсюду поощряли его зарождение. Они стали фермерами на звездных полях; они сеяли и иногда по-

жинали.

А иногда хладнокровно выпалывали сорняки.

Гигантские динозавры давно скончались, уничтоженные случайным ударом из космоса, когда в Солнечную Систему вошел исследовательский корабль, путешествие которого уже продолжалось тысячу лет. Он пронесся мимо замороженных внешних планет, ненадолго задержался над пустынями умирающего Марса, и наконец обратил внимание на Землю.

Спустившись ниже, исследователи увидели мир, наполненный жизнью. Многие годы они изучали, собирали, каталогизировали. Изучив все, что можно, они начали изменять. Были поставлены эксперименты, затрагивающие судьбы множества существ на земле и в море. Но который из них мог бы принести плоды, невозможно было узнать по крайней мере еще миллион лет.

Они были терпеливы, но пока еще не бессмертны. Нужно было так много сделать в этой вселенной из сотен миллиардов солнц, и их звали другие миры. Они снова ринулись в бездну, зная, что никогда не вернутся сюда опять. Но в этом и не было нужды: слуги, которых они оставили здесь, сделают остальное.

На Земле наступали и отступали ледники, в то время как над ними неизменная Луна продолжала нести тайну со звезд. Еще медленнее, чем полярный лед, через Галактику проносились приливы и отливы цивилизаций. Странные, прекрас-

ные и ужасные империи возвышались и падали, передавая свои знания преемникам.

И теперь среди звезд эволюция двигалась к новым целям. Первые исследователи Земли давно достигли пределов, накладываемых телами из плоти и крови; как только машины стали лучше их тел, настало время двигаться дальше. Сначала мозг, а затем и мысли были помещены в новые светлые дома из металла и драгоценных камней. В них они бродили по Галактике. Больше не нужно было строить космические корабли. Они сами стали космическими кораблями.

Но эра машинного бытия стремительно прошла. Непрерывно экспериментируя, они научились записывать знания в структуре самого пространства и вечно хранить свои мысли в замороженных кристаллических решетках из света.

Теперь они преобразовали себя в чистую энергию; и на тысяче миров пустые оболочки, которые они отвергли, еще некоторое время дергались в бессмысленном танце смерти, прежде чем разрушились в пыль.

Теперь они стали Властелинами Галактики и могли бродить среди звезд, куда пожелают, или просачиваться подобно тонкому туману через щели в пространстве. Но даже освободившись, наконец, от тирании материи, они все же не забыли о своем происхождении из теплой слизи исчезнувшего моря. И их изумительные инструменты все еще продолжали функционировать, наблюдая за экспериментами, начатыми так много лет назад.

Однако теперь они не всегда были послушны наказам своих создателей; как и все материальные объекты они не были свободны от разрушающего действия Времени и его терпеливого недремлющего слуги – Энтропии.

А иногда они преследовали собственные цели.

I – СТАР-СИТИ

1 Кометный ковбой

Капитан Дмитрий Чандлер [M2973.04.21/93.106 // Марс // Первая космическая академия, 3005] – или «Дим» для его самых близких друзей, был раздражен по понятным причинам. Сообщению с Земли потребовалось шесть часов, чтобы достигнуть космического буксира «Голиаф» здесь за орбитой Нептуна; если бы оно прибыло на десять минут позднее, он мог бы ответить: «Извините, сейчас не могу уйти – мы только начали разворачивать солнечный экран».

Это оправдание было бы совершенно допустимым: упаковка ядра кометы в лист отражающей пленки всего в несколько молекул толщиной, но в несколько километров шириной – это не та работа, которую можно бросить на полдороге.

Однако, лучше было бы подчиниться этому смешному запросу: он уже был в немилости у "Солнечной стражи", впрочем не по своей вине. Сбор льда из колец Сатурна и буксировка его к Венере и Меркурию, где он был действительно необходим, начался в 2700-х – три столетия назад. Капитан Чандлер никогда не мог обнаружить какие-то реальные отличия в изображениях "до и после", сделанных "Солнеч-

ной стражей" для поддержки своих обвинений в астрономическом вандализме. Но широкая публика, все еще чувствительная к экологическим бедствиям предыдущих столетий, думала иначе, и призыв "Руки прочь от Сатурна!" прошел существенным большинством голосов. В результате, Чандлер был теперь не Расхитителем Колец, а Кометным Ковбоем.

Именно поэтому он преодолел сейчас значительную часть расстояния до Альфы Центавра, вращаясь с отставшими от Пояса Койпера глыбами льда. Здесь лед присутствовал в достаточном количестве для того, чтобы покрыть Меркурий и Венеру океанами километровой глубины, но потребовались бы столетия, чтобы погасить адские огни этих планет и сделать их подходящими для жизни. "Солнечная стража", конечно, все еще возражала против этого, хотя уже не с таким энтузиазмом. Миллионы погибших от цунами, вызванного Тихоокеанским астероидом в 2304 году – какая ирония, что наземный взрыв принес бы намного меньшие разрушения! – напоминали всем будущим поколениям, что человечество держало слишком много яиц в одной хрупкой корзине.

Правда, пройдет еще пятьдесят лет, прежде чем эта специфическая упаковка достигнет цели, сказал себе Чандлер, так что задержка на одну неделю едва ли будет иметь значение. Но все вычисления относительно вращения, центра массы, и вектора толчка пришлось бы сделать заново, а затем передать по радио на Марс для проверки. Необходимо

просуммировать все очень тщательно перед подталкиванием миллиардов тонн льда по орбите, которая проходит на расстоянии оклика с Земли.

Взгляд капитана Чандлера привычно сместился на древнюю фотографию над столом. На ней был изображен трехмачтовый корабль, выглядевший карликом рядом с айсбергом, который неясно вырисовывался над ним, в точности как и "Голиаф" казался карликом в этот самый момент.

Как невероятно, часто думал он, что промежуток времени всего только в одну долгую человеческую жизнь лежит между этим примитивным "Дискавери" и кораблем, который нес то же имя к Юпитеру! И какой вывод сделали бы те исследователи Антарктики тысячу лет назад по поводу вида с его мостика? Они, конечно, потеряли бы всякую ориентацию, так как стена льда, около которой плыл "Голиаф", тянулась вверх и вниз, насколько мог видеть глаз. Это был странный лед, полностью лишенный белых и голубых оттенков холодных Полярных морей. На самом же деле он был грязным. Приблизительно на девяносто процентов это был водный лед: остальное являлось ведьминым варевом из углерода и соединений серы, в основном устойчивых только при температурах, близких к абсолютному нулю. При размораживании они могли преподнести неприятный сюрприз: как метко отметил один астрохимик, "у комет плохое дыхание".

– Капитан всему персоналу, – объявил Чандлер. – Небольшое изменение программы. Нас попросили задержать опе-

рацию, чтобы исследовать цель, которую обнаружил радар Космического патруля.

– Есть какие-нибудь подробности? – спросил кто-то, когда хор стонов по корабельной селекторной связи замер.

– Не много, но я полагаю, что это еще один проект Комитета Тысячелетия, который забыли закрыть.

Еще больше стонов: любой хватался за сердце из-за мероприятий, связанных с празднованием конца 2000-х. Все вздохнули с облегчением, когда 1 января 3001 года прошло без особых потрясений, и человечество смогло продолжить нормальное существование.

– В любом случае, это будет, вероятно, еще одна ложная тревога, подобная предыдущей. Мы вернемся к работе, как только сможем. Конец сообщения.

Это третья по счету сумасбродная затея, в которую меня вовлекли за всю мою карьеру, мрачно подумал Чандлер. Несмотря на исследования на протяжении столетий, Солнечная Система все еще могла преподносить сюрпризы, и, возможно, Космический патруль имел веские основания для запроса. Капитан только надеялся, что какой-нибудь идиот с богатым воображением не обнаружил в очередной раз легендарный Золотой Астероид. Если это так, во что Чандлер ни на мгновение не верил – это будет не больше, чем минералогическое любопытство: он имел бы гораздо менее реальную ценность, чем тот лед, который они подталкивали по направлению к Солнцу, чтобы принести жизнь бесплодным мирам.

Однако, существовала еще одна возможность, которую он воспринимал весьма серьезно. Человечество уже рассеяло автоматические зонды в объеме пространства в сотню световых лет в поперечнике, и Монолит Тихо был достаточным напоминанием, что подобной деятельностью занимались и намного более древние цивилизации. Какие-либо другие артефакты чужих уже могли как находиться в Солнечной Системе, так и пересекать ее. Капитан Чандлер подозревал, что в памяти Космического патруля уже было нечто вроде этого: иначе вряд ли бы космический буксир первого класса направили, чтобы гоняться за неопознанной вспышкой на экране радара.

Пять часов спустя поисковые системы "Голиафа" обнаружили отклик в крайнем диапазоне; даже с учетом расстояния он казался неутешительно маленьким. Однако, по мере того, как он становился все более ясным и сильным, обозначился металлический объект, возможно, пару метров длиной. Он находился на орбите, ведущей из Солнечной Системы, это уже было определено, и, как решил Чандлер, являлся одним из бесчисленных кусков космического мусора, который Человечество швырнуло к звездам за последнее тысячелетие и который мог бы однажды стать единственным свидетельством того, что человеческая раса когда-либо существовала.

Затем объект приблизился на расстояние, достаточное для визуального осмотра, и капитан Чандлер с безмерным удивлением понял, что какой-то терпеливый историк все

еще проверял самые ранние записи Космической Эры. Какая жалость, что компьютеры дали ему ответ, опоздавший всего лишь на несколько лет к празднованию Миллениума!

– Здесь "Голиаф," – радировал Чандлер на Землю голо-сом, звучащим с оттенком гордости и даже торжественности. – Мы приняли на борт тысячелетнего астронавта. И я даже предполагаю, кто это.

2 Пробуждение

Фрэнк Пул очнулся, но он ничего не помнил. Не было даже уверенности в своем собственном имени.

Очевидно, он находился в больничной палате: несмотря на то что глаза его были все еще закрыты, об этом свидетельствовали наиболее примитивные и вызывающие воспоминания органы чувств. Каждое дыхание приносило слабые и не то чтобы неприятные запахи антисептики в воздухе, и это напоминало о том времени, когда он, будучи опрометчивым подростком – ну, естественно! — сломал ребро на Первенстве по дельтапланеризму в Аризоне.

Наконец начали возвращаться воспоминания. Я – заместитель командира Фрэнк Пул, офицер, космический корабль Соединенных Штатов "Дискавери", сверхсекретная миссия к Юпитеру – казалось, будто ледяная рука схватила его сердце. Он вспомнил, словно при воспроизведении замедленной съемки, как неотвратимо летит космическая капсула, протянув к нему металлические когти. Затем беззвучный удар и совсем не беззвучное шипение воздуха, вырывающегося из его костюма. После чего – одно из последних воспоминаний, – беспомощное кувыркание в космосе, напрасные попытки снова соединить порванный воздушный шланг.

В общем, что бы загадочное ни случилось с системой

управления космической капсулой, теперь он был в безопасности. Возможно, Дейв быстро вышел из корабля и спас его прежде, чем недостаток кислорода необратимо повредил мозг.

Добрый старый Дейв! – сказал он себе. Нужно поблагодарить его —однако стоп! – это явно не "Дискавери", хотя я и уверен, что не мог быть без сознания настолько долго, чтобы меня успели вернуть обратно на Землю!

Бег его перепутанных мыслей был резко нарушен появлением медсестры и двух сиделок, носящих древнюю униформу, свидетельствующую об их профессии. Они казались несколько удивленными: Пул даже подумал, уж не проснулся ли он раньше срока, и эта мысль принесла ему ребяческое чувство удовлетворения.

– Привет! – сказал он после нескольких попыток; его голосовые связки, кажется, сильно заржавели. – Как мое самочувствие?

Медсестра улыбнулась ему в ответ и сделала недвусмысленный жест "Не нужно разговаривать", приложив палец к своим губам. Затем две сиделки начали суетиться над ним, профессионально проверяя пульс, температуру, рефлексy. Когда одна из них подняла его правую руку и позволила ей свободно упасть, Пул заметил кое-что необычное. Рука упала довольно медленно, и весила она явно не столько, сколько должна была бы весить. Впрочем как и его тело, что он выяснил, когда попытался двигаться.

Итак, я на планете, подумал он. Или на космической станции с искусственной гравитацией. Естественно, это не Земля – столько я не вешу.

Он только-только собрался задать очевидный вопрос, как медсестра что-то прижала к его шее; он почувствовал легкое покалывание и снова погрузился в сон без сновидений. Однако прежде, чем потерять сознание, у него возникла еще одна озадачившая его мысль.

Как несправедливо – они не произнесли ни одного слова за все то время, что были со мной.

3 Реабилитация

Когда Пул снова пробудился и опять обнаружил медсестру и сиделок, стоящих вокруг кровати, то почувствовал себя достаточно сильным, чтобы самоутвердиться.

– Где я? Уверен, что вы можете сообщить мне это!

Три женщины обмененялись взглядами, очевидно сомневаясь, что делать дальше. Затем медсестра ответила, произнося слова очень медленно и тщательно:

– Все прекрасно, мистер Пул. Профессор Андерсон будет здесь через минуту. Он все объяснит.

Объяснит что? – подумал Пул с некоторым раздражением. Но, по крайней мере, она говорит по-английски, хотя я и не могу определить ее акцент.

Андерсон, вероятно, был уже на пути сюда, так как дверь открылась через мгновение – ровно настолько, чтобы дать Пулу мгновенное представление о маленькой толпе заглядывающих в нее любознательных зрителей. Он начал ощущать себя вроде нового экспоната в зоопарке.

Профессор Андерсон был маленький, щеголеватый человек, чьи черты, казалось, соединяли в себе основные особенности нескольких рас – китайской, полинезийской, скандинавской, что полностью сбивало с толку. Он приветствовал Пула, пожав его правую ладонь, затем после очевидного размышления обменялся с ним рукопожатием еще раз с таким

любопытным колебанием, как будто до этого он долго репетировал этот совершенно незнакомый жест.

– Очень рад, что вы так хорошо выглядите, мистер Пул... Мы не хотели будить вас раньше времени.

Снова этот странный акцент и медленное произношение, но уверенная манера держаться у постели пациента была такой же, как у всех докторов во всех местах и всех временах.

– Рад это слышать. Теперь, возможно, вы ответите на несколько вопросов...

– Конечно, конечно. Но только через минуту.

Андерсон что-то сказал медсестре, настолько быстро и тихо, что Пул смог уловить только несколько слов, некоторые из которых были полностью ему незнакомы. Медсестра кивнула одной из санитарок. Та открыла стенной шкаф и достала тонкую металлическую ленту, которую начала обертывать вокруг головы Пула.

– Зачем это? – спросил он тоном одного из тех трудных пациентов, что так раздражают докторов, и которым всегда хочется знать, что с ними происходит. – Считывание электроэнцефалограммы?

Профессор, медсестра и санитарки выглядели одинаково обескураженными. Потом медленно на лице Андерсона возникла улыбка.

– О-о... электро... энцеф... ало... грамма, – сказал он медленно, как будто выуживая слово из глубины памяти. – Вы совершенно правы. Мы хотим проконтролировать ваши

мозговые функции.

Мой мозг функционировал бы совершенно хорошо, если бы вы позволяли мне его использовать, тихо проворчал Пул. Но, по крайней мере, мы, кажется, приближаемся к финалу.

– Мистер Пул, – все еще тем же неестественным голосом, как будто на иностранном языке, сказал Андерсон, – вы знаете, конечно, что с вами произошел серьезный несчастный случай во время работы вне "Дискавери".

Пул кивнул, соглашаясь.

– Я начинаю подозревать, – сказал он сухо, – что несчастный случай – это мягко сказано.

Андерсон явно расслабился, и на его лице медленно возникла улыбка.

– Вы совершенно правы. Скажите мне, что по-вашему произошло.

– Я думаю, лучший вариант развития событий такой. После того, как я потерял сознание, Дейв Боумен спас меня и принес назад на корабль. Как дела у Дейва? Никто мне ничего не говорит!

– Всему свое время... А в самом плохом случае?

Пулу показалось, что холодный ветер подул от его шеи вдоль спины. Подозрение, которое медленно формировалось в его голове, начало укрепляться.

– Тогда я умер, но был перенесен сюда – где бы это ни находилось, —и вы смогли воскресить меня. Спасибо...

– Совершенно верно. И вы вернулись на Землю. Ну, не

совсем, но очень близко к ней.

Что он подразумевает под словами "очень близко к ней"? Здесь было гравитационное поле, значит скорее всего он находился внутри медленно вращающегося колеса орбитальной космической станции. Но это не имело особого значения: существовало нечто гораздо более важное для размышлений.

Пул быстро проделал в уме некоторые вычисления. Если Дейв поместил его в анабиоз, восстановил остальную часть команды и закончил миссию к Юпитеру – он мог бы быть "мертв" целых пять лет!

– Какое сегодня число? – спросил он настолько спокойно, насколько это было возможно.

Профессор и медсестра обменялись взглядами. Снова Пул почувствовал холодок на своей шее.

– Я должен сообщить вам, мистер Пул, что Боумен не спасал вас. Он полагал – и мы не можем его обвинять, – что вы были необратимо мертвы. К тому же, он столкнулся с отчаянно серьезной ситуацией, которая угрожала его собственному выживанию...

Итак, вы дрейфовали в пространстве, прошли через систему Юпитера, и направились к звездам. К счастью, вы находились настолько ниже точки замерзания, что не было никакого метаболизма – это почти чудо, что вас вообще нашли. Вы – один из самых удачливых из всех живущих сейчас людей. Нет – даже из всех когда-либо живших!

Я? – уныло спросил себя Пул. – Пять лет, как же! Это могло бы быть столетие или даже больше.

– Я имею право знать, – потребовал он.

Казалось, что профессор и медсестра консультировались с невидимым монитором: когда они посмотрели на друг друга и кивнули, соглашаясь, Пул предположил, что все они были включены в информационную сеть больницы, к которой была подключена также повязка на его голове.

– Фрэнк, – сказал профессор Андерсон, плавно переходя к роли старого семейного врача, – это будет большим ударом для вас, но вы в состоянии его выдержать – и чем скорее это произойдет, тем лучше.

Мы в самом начале Четвертого Тысячелетия. Поверьте – вы оставили Землю почти тысячу лет назад.

– Я верю вам, – спокойно ответил Пул. Затем, к его большому раздражению, комната начала кружиться вокруг него, и больше он ничего не узнал.

* * *

Когда он пришел в сознание, оказалось, что он находится уже не в суровой больничной палате, а в роскошном помещении с привлекательными и непрерывно изменяющимися изображениями на стенах. Некоторые из них были известными и знакомыми картинами, другие показывали сухопутные и морские пейзажи, точно такие же, как и в его собствен-

ном времени. Не было ничего чуждого или огорчающего: он предположил, что все это появится позже.

Окружающая среда, очевидно, была тщательно запрограммирована: он задался вопросом, существует ли здесь какой-нибудь эквивалент телевизионного экрана (а кстати, сколько каналов в Четвертом Тысячелетии?), но не увидел около кровати никаких признаков средств управления. Ему нужно будет столь многому научиться в этом новом мире: он был дикарем, который внезапно столкнулся с цивилизацией.

Но сначала нужно восстановить силы и изучить язык; даже появление звукозаписи более чем за столетие до рождения Пула не предотвратило серьезных изменений в грамматике и произношении. Возникли тысячи новых слов, главным образом из области науки и техники, поэтому часто ему удавалось угадать их значение.

Более угнетающим, однако, было несметное число известных и неизвестных имен, которые накопились за тысячелетие и ничего ему не говорили. В течение нескольких недель, пока он не создал банк данных, большинство бесед прерывались краткими биографиями. По мере восстановления сил количество посетителей возросло, хотя всегда под наблюдающим оком профессора Андерсона. Это были специалисты по медицине, ученые различных направлений и – самое интересное для него – командиры космических кораблей.

Очень немногое он мог бы рассказать докторам и историкам из того, что уже не было бы зарегистрировано где-нибудь

в гигантских банках данных Человечества, но зачастую он был способен дать толчок их исследованиям и новое понимание событий его собственного времени. Хотя все они обращались к нему с предельным уважением и терпеливо выслушивали ответы на свои вопросы, но на его собственные отвечали с большой неохотой. Пул начал подозревать, что находится под защитой от культурного шока, и полусерьезно размышлял о том, как бы ему сбежать из своего жилища. Он очень редко оставался в одиночестве и не удивился бы, обнаружив, что дверь заперта.

* * *

Появление доктора Индры Уоллис изменило все. Если отвлечься от имени, то главная расовая составляющая ее облика казалась японской, и с небольшой долей воображения Пул иногда представлял ее гейшей. Это вряд ли был подходящий образ для выдающегося историка, возглавляющего кафедру в университете, который все еще хвастался своим натуральным плющом.

Она была первым посетителем, бегло говорившим на родном языке Пула, поэтому он был просто счастлив повстречать ее.

– Мистер Пул, – начала она деловым тоном, – я назначена вашим официальным гидом и, скажем так, наставником. Моя квалификация: я специализировалась на вашем

периоде, автор работы "Крах Национального государства в 2000-50 годах". Я полагаю, что мы можем во многом помочь друг другу.

– Я в этом уверен. Для начала мне хотелось бы, чтобы вы забрали меня отсюда, и я хоть немного смог бы посмотреть на ваш мир.

– Именно это мы и намереваемся сделать. Но сначала вас нужно снабдить персональным Идентификатором. До тех пор вы будете – как это сказать? — не-человек. Вам было бы почти невозможно пойти куда-нибудь или получить что-нибудь. Ни одно устройство не признало бы вашего существования.

– Так я и думал, – с кривой улыбкой ответил Пул. – Это началось еще в мое время, и многие люди тогда ненавидели саму эту идею.

– Некоторые продолжают ненавидеть ее до сих пор. Они уходят и живут в дикой местности – таких мест теперь на Земле намного больше, чем было в вашем столетии! Но они всегда берут с собой компакты, так что могут позвать на помощь, если случится неприятность. В среднем обычно это продолжается около пяти дней.

– Как это грустно. Человеческая раса, очевидно, деградировала.

Он осторожно проверял ее, пробовал найти пределы ее терпимости и раскрыть ее индивидуальность. Было очевидно, что они будут проводить много времени вместе и что он

всецело будет зависеть от нее. Вместе с тем он еще не был до конца уверен, хочет ли он быть с ней: возможно она расценивала его просто как занимательный музейный экспонат.

К удивлению Пула, она согласилась с его критикой.

– Вероятно, это действительно так, по крайней мере в некотором отношении. Возможно, физически мы слабее, но зато мы здоровее и лучше приспособлены, чем большинство из когда-либо живших людей. Благородный Дикарь всегда был мифом.

Она подошла к маленькой квадратной пластине, расположенной на двери на уровне глаз. Размеры пластины были почти такие же, как у одного из бесчисленных журналов, распространенных в далекую Печатную Эру, и Пул заметил, что по крайней мере одну такую пластину имела каждая комната. Обычно они были пустыми, но иногда на них появлялись строки медленно движущегося текста, полностью бессмысленного для Пула даже в тех случаях, когда большинство слов было знакомо. Однажды пластина в его помещении выдала звуковые сигналы, которые он проигнорировал, рассудив, что пусть кто-то другой разбирается с этой проблемой, какой бы она ни была. К счастью шум прекратился так же внезапно, как и начался.

Доктор Уоллис положила ладонь на пластину, затем через несколько секунд убрала ее. Она поглядела на Пула и сказала с улыбкой:

– Подойдите и посмотрите на это.

Внезапно появившаяся надпись содержала довольно много информации, и он медленно прочитал: **Уоллис, Индра**
[F2970.03.11:31.885 / /HIST.OXFORD]

– Я полагаю, это означает представительницу женского пола, дата рождения 11 марта 2970 года, а также то, что вы связаны с Отделом Истории в Оксфорде. И я предполагаю, что 31.885 является персональным идентификационным номером. Правильно?

– Отлично, мистер Пул. Я видела некоторые адреса электронной почты и номера кредитных карточек вашего времени – отвратительные вереницы алфавитно-цифрового мусора, который невозможно запомнить! Но все мы знаем дату своего рождения, и она совпадет не больше чем у 99,999 других людей. Так что пятизначный номер – все, что вам необходимо... и даже если вы его забудете, это не имеет значения. Как видите, он – это часть вас.

– Имплантант?

– Да, наночип при рождении, в каждой ладони для надежности. Вы даже ничего не чувствуете, когда его вводят. Но вы создали для нас маленькую проблему...

– Какую?

– Считывающие устройства, с которыми вы повстречаетесь, в большинстве случаев слишком бесхитростны, чтобы верить вашей дате рождения. С вашего разрешения, мы переместим ее на тысячу лет вперед.

– Разрешение предоставлено. А остальная часть иденти-

фикации?

– Не обязательна. Вы можете оставлять ее пустой, задавать ваши текущие увлечения и местоположение или использовать ее для персональных сообщений, общих или целевых.

Пул был совершенно уверен, что некоторые вещи не изменятся за столетия. Большая часть таких "целевых" сообщений была бы действительно крайне персональной.

Он подумал, существует ли все еще в этом столетии государственная или самоцензура, и были ли усилия по улучшению морали других людей более успешны, чем в его собственном времени.

Он спросит об этом доктора Уоллис, когда узнает ее лучше.

4 Обзорная палуба

– Фрэнк, профессор Андерсон считает, что вы уже в состоянии совершить небольшую прогулку.

– Я очень рад это слышать. Вы знаете выражение "лезть на стену"?

– Нет, но я могу предполагать, что оно означает.

Пул настолько приспособился к низкой гравитации, что длинные шаги, которые он делал, казались совершенно нормальными. Половина g , как он оценил – ровно столько, чтобы создать ощущение комфорта. Во время прогулки они встретили всего несколько человек, абсолютно незнакомых, но каждый из них улыбнулся им, узнавая. В настоящее время, самодовольно сказал себе Пул, я должен быть одной из самых известных личностей в этом мире. Это должно мне здорово помочь, когда я решу, что делать с остальной частью моей жизни. Впереди, если верить Андерсону, по крайней мере, еще целое столетие.

Коридор, по которому они шли, был совершенно непримечателен за исключением случайным образом пронумерованных дверей, каждая из которых была снабжена одной из универсальных распознающих панелей. Пул прошел за Индрой около двухсот метров, когда внезапно остановился, потрясенный, потому что до него дошло нечто, очевидное даже слепому.

– Эта космическая станция должна быть гигантской! – воскликнул он. Индра улыбнулась.

– Вам больше нечего сказать? Вы не заметили чего-нибудь еще?

– Ничего, – произнес он рассеянно. Он все еще пытался оценить масштаб этой конструкции, когда возник еще один сюрприз. Кто в состоянии вообразить себе настолько большую космическую станцию, чтобы она могла похвастаться подземкой – правда, миниатюрной, с единственным маленьким вагончиком, способным вместить всего дюжину пассажиров?

– Смотровой зал три, – скомандовала Индра, и они начали удаляться от терминала, бесшумно и стремительно набирая скорость.

Пул сверил время на сложном браслете, чьи функции он пока изучил не до конца. Некоторой неожиданностью стало то, что весь мир теперь перешел на Универсальное Время: запутывающая мозаика часовых поясов была уничтожена с появлением глобальных коммуникаций. Об этом было много разговоров, начиная с двадцать первого столетия, и даже были предложения по замене солнечного на сидерическое время. Тогда, в течение года, Солнце должно было двигаться по часовой стрелке, фиксируя время, когда оно взошло шестью месяцами ранее.

Однако, из этого предложения "равного времени по солнцу" ничего не вышло, так же как и из большего количества

вопиющих попыток преобразовать календарь. Эта специфическая работа, как было цинично предложено, должна подождать серьезного прогресса в технологии. Тогда однажды, несомненно, одна из незначительных ошибок Бога будет исправлена, и земную орбиту изменят таким образом, чтобы в каждом году было двенадцать месяцев ровно по тридцать дней в каждом.

Насколько Пул мог судить по скорости и прошедшему времени, они должны были пропутешествовать по крайней мере три километра до того момента, когда вагончик тихо остановился, двери открылись, и мягкий голос автомата произнес: "Желаю вам хорошего обзора. Сегодня покрытие облаками тридцать пять процентов".

Наконец-то мы находимся около внешней стены, подумал Пул. Но была еще одна загадка – несмотря на расстояние, которое они преодолели, ни сила, ни направление гравитации не изменились! Он не мог вообразить себе настолько огромную вращающуюся космическую станцию, чтобы g -вектор не был бы изменен таким перемещением... может быть он, в конце концов, действительно находится на какой-то планете? Но он ощущал себя легче – намного легче, чем на любом другом населенном мире в Солнечной Системе.

Когда внешняя дверь терминала открылась, и Пул вошел в маленький тамбур, то понял, что действительно находится в космосе. Но где же тогда скафандры? Он огляделся с тревогой: находиться так близко к вакууму, голому и незащи-

ценному, было против всех его инстинктов. Одного опыта было достаточно...

– Мы почти пришли, – сказала Индра.

Последняя дверь открылась, и он посмотрел в абсолютную черноту космоса через огромное окно, которое было изогнуто в вертикальном и горизонтальном направлениях. Он ощущал себя золотой рыбкой в круглом аквариуме и надеялся, что проектировщики этой смелой разработки точно знали, что делали. Вероятно, строительные материалы у них были значительно лучше, чем те, которые существовали в его время.

Хотя снаружи должны были сиять звезды, его привыкшие к свету глаза не видели ничего, кроме черной пустоты за пределами большого окна. Когда он решил подойти к нему поближе, чтобы расширить поле обзора, Индра задержала его и указала прямо вперед.

– Будьте осторожны, – сказала она, – вы такого еще не видели...

Пул моргнул и уставился в ночь. Конечно, это должно быть иллюзией — небеса запрещают абсолютно прямые трещины в окне...

Он повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Нет, она была реальна. Но чем же это могло быть? Он вспомнил определение Евклида: "Обман имеет длину, но не имеет толщины".

Когда он взгляделся попристальней, то увидел световую

нить, занимающую всю высоту окна и, очевидно, продолжующуюся вне поля зрения выше и ниже, настолько одномерную, что к ней даже нельзя было бы применить слово "толщина". Однако, она не была полностью лишена структуры; на всей ее длине через нерегулярные интервалы были видны ярко блестящие пятна, подобно каплям воды на паутине.

Пул подошел еще ближе к окну, чтобы расширить обзор, пока наконец не увидел то, что лежало прямо под ним. Вид был достаточно знакомым: вся Европа и большая часть северной Африки, точно такие, как он видел их из космоса много раз. Таким образом, он, вероятно, находился на экваториальной орбите на высоте, по крайней мере, тысячи километров.

Индра смотрела на него с шутливой улыбкой.

– Подойдите к окну поближе, – сказала она очень мягко. – Так, чтобы вы смогли взглянуть прямо вниз. Я надеюсь, что вы хорошо переносите высоту.

Как глупо говорить такое астронавту! – сказал про себя Пул, продвигаясь вперед. Если бы я когда-либо страдал от головокружения, то не мог бы заниматься этим делом...

Едва эта мысль промелькнула у него в голове, как он воскликнул "Мой Бог!", и невольно отступил от окна назад. Затем, собравшись с духом, посмел взглянуть снова.

Он смотрел вниз на далекое Средиземноморье с цилиндрической башни, плавный изгиб стены которой подразумевал диаметр в несколько километров. Но это было ничто

по сравнению с ее длиной, она протянулась, сужаясь далеко вниз, вниз, вниз, пока не исчезла в тумане где-то над Африкой. Он предполагал, что она тянется до самой поверхности.

– На какой мы высоте?, – прошептал он.

– Две тысячи километров. А теперь посмотрите вверх.

На этот раз не было такого шока: он ожидал того, что увидел. Башня утоньшалась далеко вверх, пока не стала блестящей нитью на черноте космоса, и он не сомневался, что она протянулась до геостационарной орбиты в тридцати шести тысячах километров над экватором. Такие фантазии были хорошо известны во времена Пула, но он никогда не мечтал, что увидит их наяву и даже будет в них жить.

Он указал на далекую нить, протянувшуюся вверх от восточного горизонта.

– Это, должно быть, еще одна башня?

– Да, Азиатская Башня. Со стороны мы выглядим точно так же.

– Сколько их всего?

– Четыре, равномерно расположенные по экватору. Африка, Азия, Америка, Тихий океан. Последняя почти пуста – всего несколько сотен заполненных уровней. Не на что смотреть, кроме воды...

Пул все еще переваривал эту информацию, когда к нему вдруг пришла тревожная мысль.

– В моем времени уже существовали тысячи спутников, на всех диапазонах высот. Как же вы избегаете столкнове-

ний?

Индра выглядела слегка озадаченной.

— Вы знаете, я никогда об этом не думала, это не моя область. — Она на мгновение замолчала, явно разыскивая информацию в своей памяти. Затем ее лицо просветлело.

— Я полагаю, что столетия назад была большая уборка. Ниже стационарной орбиты не существует никаких спутников.

В этом есть смысл, сказал себе Пул. В них просто нет необходимости — четыре гигантских башни могут обеспечивать все потребности в средствах связи, для чего когда-то нужны были тысячи спутников и космических станций.

— И никогда не случалось никаких несчастных случаев — столкновений с космическими кораблями, покидающими землю или входящими в атмосферу?

Индра удивленно посмотрела на него.

— Но это никак невозможно. — Она указала на потолок. — Все космопорты там, где и должны быть, на внешнем кольце. Я полагаю, с тех пор, как последняя ракета поднялась с поверхности Земли, прошло четыреста лет.

Пул все еще переваривал это, когда одна аномалия привлекла его внимание. Его выучка астронавта сигнализировала ему обо всем необычном: в космосе это могло быть вопросом жизни или смерти.

Солнце было за пределами видимости, высоко над головой, но его лучи, струящиеся вниз через большое окно, высвечивали сверкающую полосу света на полу под ногами. Яр-

кость этой полосы в углу была другой, намного более слабой, словно рама окна бросала двойную тень.

Пул вынужден был опуститься на колени, чтобы взглянуть вверх на небо. Он полагал, что не способен больше удивляться, но зрелище двух солнц оставило его на мгновение безмолвным.

– Что это? – спросил, когда он смог восстановить дыхание.

– О, вам не говорили? Это Люцифер.

– У Земли есть еще одно солнце?

– Да, оно не сильно греет, но Луна осталась не у дел...

Прежде чем на ваши поиски отправилась Вторая экспедиция, оно было планетой Юпитер.

Я знал, что нужно многому научиться в этом новом мире, сказал себе Пул. Но что столь многому, я даже не мог себе представить.

5 Обучение

Пул был удивлен и обрадован, когда в комнату вкатили телевизор и поместили в ногах его кровати. Обрадован, потому что страдал от легкого информационного голода, и удивлен, потому что это была модель, устаревшая даже в его собственном времени.

– Мы пообещали, что вернем его обратно в Музей, – сообщила ему медсестра. – Я полагаю, вы знаете, как им пользоваться.

Лаская пульт дистанционного управления, Пул почувствовал, как внутри него прокатилась волна острой ностальгии. Как и некоторые другие артефакты, пульт всколыхнул его детские воспоминания о тех днях, когда большинство телевизоров были слишком глупы, чтобы понимать голосовые команды.

– Благодарю вас. Какой лучший новостной канал?

Она казалась озадаченной его вопросом, потом лицо ее просветлело.

– О, я поняла, что вы имеете в виду. Но профессор Андерсон считает, что вы все же не совсем готовы. Поэтому Архив подобрал коллекцию, которая даст вам чувство дома.

Пул задумался о том, какие в этом столетии были носители данных. Он все еще помнил компакт-диски и своего эксцентричного старого дядю Джорджа, который являлся гор-

дым обладателем собрания старинных видеозаписей. Но ясно, что технологическое соревнование еще столетия назад должно было закончиться обычным дарвиновским путем с выживанием самых приспособленных.

Он должен был признать, что подборка была хорошо выполнена кем-то (Индрой?), знакомым с началом двадцать первого столетия. Не было ничего тревожащего – ни войн, ни насилия, и очень немного бизнеса и политики из его времени, что теперь, конечно, является крайне несоответствующим моменту. Было несколько легких комедий, спортивных событий (как они узнали, что он был фанатом тенниса?), классической и поп-музыки, а также документальные фильмы о живой природе.

Кто бы ни подбирал эту коллекцию, у него явно было чувство юмора, иначе он не включил бы в нее эпизоды из каждой серии "Звездного пути". Будучи еще очень маленьким мальчиком, Пул встретил Патрика Стюарта и Леонарда Нимоя: интересно, что бы они подумали, если бы могли предвидеть судьбу того ребенка, который застенчиво просил у них автографы.

Угнетающая мысль пришла к нему вскоре после того, как он в режиме быстрого просмотра начал изучать эти реликвии прошлого. Где-то он прочитал, что в его собственном столетии существовало приблизительно пятьдесят тысяч телевизионных станций, передающих одновременно. Если взять это число за основу, а оно могло еще возрасти, то

к настоящему времени должны выходить в эфир миллионы миллионов часов телевизионных программ. Даже самый упертый скептик признал бы, что, по всей видимости, существует по крайней мере миллиард часов, требующих внимания... и миллионы, которые удовлетворяют самым высоким стандартам. Как найти то небольшое – несколько миллионов игл в таком гигантском стоге сена?

Мысль была настолько подавляющей, настолько деморализующей, что через неделю все более и более бесцельного серфинга по каналам Пул попросил убрать телевизор.

Возможно, было к лучшему, что у него оставалось все меньше и меньше времени на самокопание во время бодрствования, которое неуклонно становилось все более длительным по мере того, как возвращались силы.

Не было никакого риска умереть от скуки благодаря непрерывной череде не только серьезных исследователей, но и просто любознательных, а, возможно, и влиятельных граждан, которые сумели просочиться мимо дворцовой охраны в лице медсестры и профессора Андерсона. Тем не менее, он даже обрадовался, когда однажды снова появился телевизор, потому что начинал страдать от изоляции —и тогда он решил быть более избирательным при просмотре.

Почтенный антиквариат сопровождала широко улыбавшаяся Индра Уоллис.

– Мы нашли кое-что, что вы должны увидеть, Фрэнк. Нам кажется, что это поможет вам прийти в себя, во всяком слу-

чае мы уверены, что это доставит вам удовольствие.

Пул всегда считал подобные замечания прелюдией для гарантированной скуки и приготовился к самому худшему. Но открывшееся захватило его мгновенно, возвращая к прежней жизни так, как это могло бы сделать очень небольшое другое. Он сразу узнал один из самых известных голосов его эпохи и вспомнил, что именно эту программу он видел раньше. Могло бы это быть во время первой трансляции? Нет, ему тогда было только пять: наверное, это был повтор...

– Атланта, 31 декабря 2000 года.

– В эфире Си-Эн-Эн, за пять минут до Нового Тысячелетия, со всеми его неизвестными опасностями и обещаниями...

– Но прежде, чем мы попробуем исследовать будущее, давайте оглянемся на тысячу лет назад и спросим себя: могли бы какие-нибудь люди, жившие в 1000 году нашей эры даже отдаленно представить себе наш мир, или понять его, если бы их волшебным образом перенесли через столетия?

– Почти все технологии, которые мы считаем само собой разумеющимися, были изобретены практически в самом конце нашего тысячелетия: паровой двигатель, электричество, телефон, радио, телевидение, кино, авиация, электроника. И, в течение жизни одного поколения, ядерная энергия и космические путешествия. Как бы все это повлияло на величайшие умы прошлого? Как долго могли бы Архимед или Леонардо сохранить рассудок, если бы внезапно оказались

брошены в наш мир?

– Хотелось бы думать, что у нас получилось бы лучше, если перенести нас на тысячу лет вперед. Конечно, фундаментальные научные открытия уже сделаны, поэтому основные усовершенствования будут в области технологии, появятся новые устройства, что-нибудь волшебное и непостижимое для нас, вроде карманного калькулятора или видеокамеры для Исаака Ньютона.

– Возможно, наша эпоха действительно отличается от всех, что были прежде. Телекоммуникации, возможность записывать изображения и звук, завоевание воздуха и космического пространства – все это создало цивилизацию за пределами самых безумных фантазий прошлого. И что одинаково важно, Коперник, Ньютон, Дарвин и Эйнштейн так изменили наш способ мышления и наши взгляды на вселенную, что мы должны представляться почти что новым видом даже наиболее блестящим из наших предшественников.

– Будут ли наши преемники через тысячу лет оглядываться на нас с той же самой жалостью, с которой мы оцениваем своих невежественных, суеверных, болезненных, недолговечных предков? Мы полагаем, что знаем ответы на вопросы, которые можно даже не задавать: но какие неожиданности припасло для нас Третье Тысячелетие?

– Итак, наступает новое тысячеление...

Удары колокола начали отсчитывать мгновения до полуночи. Последняя вибрация замерла в тишине...

– Прощай, замечательное и ужасное двадцатое столетие...

Затем картина распалась на бесчисленные фрагменты, и появился новый комментатор, говорящий с акцентом, который Пул теперь легко понимал, и который немедленно перенес его в настоящее время.

– Теперь, в первые минуты три тысячи первого года, мы можем ответить на этот вопрос из прошлого...

– Определенно, люди 2001 года, которых вы только что видели, не почувствовали бы себя в нашем столетии крайне потрясенными, как то произошло бы в их собственном столетии с людьми 1001-го. Многие из наших технологических достижений они предвидели; действительно, они ожидали спутниковые города и колонии на Луне и планетах. Они даже были бы разочарованы тем, что мы еще не бессмертны и послали зонды только к ближайшим звездам...

Внезапно Индра выключила запись.

– Остальное посмотрите позже, Фрэнк: вы устали. Но я надеюсь, это поможет вам адаптироваться.

– Благодарю вас, Индра. Я должен заснуть с этим. Но это доказывает только одно.

– Что же?

– Я должен быть благодарен судьбе за то, что я не из 1001-го года, оказавшийся вдруг в 2001-ом. Это что-то вроде квантового скачка: я не верю, что к этому мог бы приспособиться любой. По крайней мере мне известно электричество, и я не умру от испуга, если со мной заговорит картинка.

Я надеюсь, сказал себе Пул, что вера в это оправдана. Кто-то однажды сказал, что любая достаточно развитая технология неотличима от магии. Встречу ли я магию в этом новом мире – и буду ли в состоянии управлять ей?

6 Мыслитель

– Боюсь, вы должны будете принять мучительное решение, – сказал профессор Андерсон с улыбкой, которая сглаживала преувеличенную серьезность его слов.

– Я могу принять его, доктор. Только расскажите мне все откровенно.

– Прежде чем вас оснастят вашим Мыслителем, вы должны будете стать абсолютно лысым. Дальнейшее на ваш выбор. Исходя из скорости роста ваших волос, вам нужно будет брить голову по крайней мере один раз в месяц. Либо вы могли бы стать лысым постоянно.

– Как это делается?

– Лазерной обработкой скальпа. Убивает фолликулы на корню.

– Хм-м... это обратимо?

– Да, но это грязно, болезненно и потребует нескольких недель.

– Тогда я подумаю, насколько мне нравится быть без волос, прежде чем порекомендовать себя вам. Я помню, что случилось с Самсоном.

– С кем?

– Персонаж известной старой книги. Его подруга отрезала ему волосы пока он спал. Когда он проснулся, вся его сила ушла.

– Теперь я вспомнил – совершенно очевидный медицинский символизм!

– Тем не менее я не возражал бы против потери бороды. Я был бы счастлив прекратить бриться раз и навсегда.

– Я приму меры. А какой парик вам нравится?

Пул рассмеялся.

– Я не слишком тщеславен – думаю, он был бы помехой, и вероятно не стоит об этом беспокоиться. Кое-что можно решить потом.

То, что каждый в эту эру был искусственно лысым, было тем удивительным фактом, который Пул обнаружил довольно поздно; первым откровением для него стало зрелище, когда обе сиделки без малейших признаков смущения сняли свои пышные локоны непосредственно перед тем, как прибыли несколько таких же лысых специалистов, чтобы сделать ему ряд микробиологических тестов. Никогда прежде его не окружало так много безволосых людей, и первым его предположением стало то, что это самый последний шаг в бесконечной войне медиков против микробов.

Как и большинство из его предположений, оно было абсолютно неправильно, и когда он обнаружил истинную причину, то немало повеселился, пытаясь угадать, насколько часто, ничего не зная заранее, он мог бы уверенно сказать, у кого из посетителей волосы не были их собственными. Он редко ошибался с мужчинами, никогда с женщинами; очевидно, это была великая эпоха для изготовителей париков.

Профессор Андерсон не тратил время зря: уже в полдень медсестры намазали голову Пула каким-то дьявольски пахнущим кремом, и когда он поглядел в зеркало час спустя, то себя не узнал. В конце концов он подумал, что, возможно, парик – это совсем неплохо...

Установка Мыслителя была значительно более долгой. Сначала должна быть подготовлена почва, что потребовало полной неподвижности в течение нескольких минут для наклейки пластырей. Он совсем уже ожидал, что ему скажут, что его голова имеет неправильную форму, когда санитарки — хихикающие совершенно непрофессионально — наконец-то его освободили.

– Ох, какое мучение! – пожаловался он.

Затем пришла очередь непосредственно металлического шлема, который уютно разместился почти до ушей и вызвал ностальгическую мысль – вот бы мои еврейские друзья увидели меня теперь! Уже через несколько минут стало настолько удобно, что его присутствие не ощущалось.

Теперь он был готов к настройке, процессу, который, как он понял с чувством, в чем-то родственным страху, был сродни обряду Крещения почти для всего человечества на протяжении более пятисот лет.

– Нет никакой необходимости закрывать глаза, – сказал техник, которого представили претенциозным титулом "мнемоинженер", что почти всегда сокращалось до "мнемо-ник". – Когда начнется настройка, все ваши входные каналы

будут перекрыты. Даже с открытыми глазами вы ничего не увидите.

Интересно, все нервничают так же как я, спросил себя Пул. Может быть, это последний момент, когда я контролирую собственный разум? Однако, я научился доверять технологии этой эпохи; до сих пор она меня не подводила. Конечно, как утверждали когда-то, все всегда происходит в первый раз...

Как и было обещано, он не чувствовал ничего, кроме нежной щекотки, в то время как несметное число наноэлектродов сверлило червоточины в его скальпе. Все его чувства были пока еще совершенно нормальны; когда он обвел взглядом знакомую комнату, все находилось на тех же местах, где и должно было быть.

Мнемоник, носящий свой собственный шлем, подключенный, подобно шлему Пула, к оборудованию, которое легко можно было принять за компьютер двадцатого века – лаптоп, послал ему ободряющую улыбку.

– Готовы? – спросил он.

К некоторым ситуациям старые штампы подходили лучше всего.

– Всегда готов, – ответил Пул.

Свет медленно исчезал, или так только казалось. Наступила полная тишина, и даже нежная гравитация Башни ослабила свою хватку. Он был эмбрионом, плавающим в лишенной каких-либо черт пустоте, хотя полной темноты не бы-

ло. Он встречал такое едва видимое, почти ультрафиолетовое свечение только однажды в жизни, когда на исходе ночи совершил гораздо более глубокое, чем позволяла разумная осторожность, погружение вдоль отвесной скалы на внешнем крае Большого Барьерного Рифа. Глядя вниз на сотни метров прозрачной пустоты, он ощутил такое чувство дезориентации, что испытал краткий момент паники и почти что привел в действие систему экстренного всплытия, прежде чем восстановил самоконтроль. Само собой разумеется, он никогда не упоминал об этом инциденте врачам Космического Агентства...

Откуда-то издалека, из огромного ничто, которое, казалось, окружает его со всех сторон, донесся голос. Но он не проникал через его уши: он мягко звучал в гулких лабиринтах его мозга.

– Калибровка началась. Время от времени вам будут задавать вопросы, вы можете отвечать мысленно, но можете помогать и голосом. Вы поняли?

– Да, – ответил Пул, гадая, движутся ли его губы на самом деле. Узнать об этом не было никакой возможности.

Что-то появилось в пустоте – сеть тонких линий, похожая на огромный лист миллиметровки. Она простиралась вверх и вниз, вправо и влево за пределы поля зрения. Он попробовал повернуть голову, но изображение отказалось меняться.

Поперек сетки начали мерцать числа, слишком быстро для того, чтобы он прочитал их, но, возможно, какие-то

электронные контуры их записывали. Пул не мог не улыбнуться (его щеки двигаются?) хорошо знакомой процедуре. Это было похоже на компьютерную глазную диагностику, которую мог бы сделать пациенту любой окулист его времени.

Сетка исчезла и заменилась ровными цветными полотнами во всю ширину поля зрения. За несколько секунд они промелькнули от одного конца спектра к другому. "Могу вам сказать, – тихо пробормотал Пул, – что мое цветное зрение в порядке. Теперь слух, я полагаю?"

Он не ошибся. Слабый рокоchущий звук понижался, пока не стал самым низким из слышимых звуков, затем быстро проскочил музыкальную шкалу, пока не исчез за пределы диапазона человеческого слуха, на территорию дельфинов и летучих мышей.

Это был последний из простых, прямых тестов. Он подвергся нашествию запахов и вкусов, большинство из которых были приятными, но некоторые совсем наоборот. Затем он стал, или так ему показалось, марионеткой на невидимой нити.

Он предположил, что осуществлялся контроль его мышечной деятельности, и надеялся, что не было никаких внешних проявлений; если они имели место, то он, вероятно, напоминал кого-то в последней стадии Пляски святого Витта. В какой-то момент у него даже возникла сильная эрекция, но не было возможности реально проверить это прежде, чем он провалился в сон без сновидений.

А может быть, все это только приснилось? Он понятия не имел, сколько времени протекло прежде, чем он очнулся. Шлема уже не было, как и мнемоника с его оборудованием.

– Все прошло чудесно, – сияла медсестра. – Потребуется несколько часов, чтобы убедиться, что нет никаких аномалий. Если все прочиталось КО —я имею в виду ОК, – то вы получите ваш Мыслитель уже завтра.

Пул оценил усилия, которые предпринимало его окружение по изучению архаичного английского языка, но не мог противиться желанию, чтобы медсестра больше не делала таких неудачных оговорок.

Когда пришло время окончательного подключения, Пул почувствовал себя как мальчишка, разворачивающий замечательную новую игрушку под Рождественской елкой.

– Вам не нужно снова проходить все этапы установки, – уверил его мнемоник. – Загрузка начнется немедленно. Я дам вам пятиминутный демонстрационный пример. Только расслабьтесь и наслаждайтесь.

Нежная успокаивающая музыка переливалась над ним; хотя это было что-то очень знакомое, из его собственного времени, он не мог ее узнать. Перед глазами был туман, который раздался в стороны, когда он приблизился...

Да, он шел! Иллюзия была чрезвычайно убедительной; он чувствовал давление ног на землю, и теперь, когда музыка прекратилась, он слышал нежный ветерок, дующий между огромных деревьев, которые, как оказалось, его окружали.

Он узнал калифорнийские красные леса и надеялся, что они все еще реально существуют где-нибудь на Земле.

Он перемещался в ускоренном темпе, слишком быстром для комфорта, как если бы было слегка ускорено время, чтобы он мог покрывать как можно большие расстояния. Вместе с тем он не прилагал никаких усилий; он чувствовал себя гостем в чьем-то чужом теле. Ощущения дополнялись тем фактом, что у него не было никакого контроля над движением. Когда он пытался остановиться или изменить направление, ничего не происходило. Он продолжал идти в том же направлении.

Это не имело значения; он наслаждался незнакомыми ощущениями и мог оценить, насколько захватывающим это могло бы стать. "Машины снов", появления которых зачастую с тревогой ожидали большинство ученых его собственного столетия, стали теперь частью повседневной жизни. Пул поинтересовался, как Человечество сумело остаться в живых: ему ответили, что многие как раз не смогли. Миллионы сожгли свой мозг, и выпали из течения жизни.

Конечно, уж он-то был бы абсолютно невосприимчив к таким искушениям! Он использовал бы этот изумительный инструмент, чтобы узнавать все больше и больше о мире Четвертого Тысячелетия и за минуты приобретать новые навыки, для овладения которыми иначе потребуются годы. Ну хорошо, он мог бы, только иногда, использовать Мыслитель исключительно для развлечения...

Он вышел на опушку леса и увидел широкую реку. Без колебания он вошел в нее и не почувствовал никакой тревоги, когда вода накрыла его с головой. Было немного странно, что он продолжал нормально дышать, но ему показалось намного более замечательным то, что он совершенно нормально видел в среде, в которой не мог бы сфокусироваться незащищенный человеческий глаз. Он мог бы сосчитать каждую чешуйку на великолепной форели, которая проплывала мимо, не обращая внимания на этого странного пришельца...

А вот и русалка. Он всегда хотел встретить хоть одну, но полагал, что они были морскими существами. Может быть они иногда поднимались вверх по течению подобно лососю, чтобы обзавестись потомством? Она исчезла прежде, чем он смог задать ей вопрос, чтобы подтвердить или опровергнуть эту революционную теорию.

Река закончилась полупрозрачной стеной; он шагнул сквозь нее, чтобы оказаться лицом к лицу с пустыней под пылающим солнцем. И хотя оно немилосердно жгло его, все же он был в состоянии смотреть прямо на его полуденную ярость. Он мог даже рассмотреть с неестественной четкостью архипелаг солнечных пятен около края диска. И, что было уже совсем невозможно, подобно лебединым крыльям с обеих сторон Солнца выросло бледное сияние короны, обычно совершенно невидимой, за исключением случаев полного затмения.

Все исчезло в черноту: вернулась навязчивая музыка и с

ней блаженная прохлада его знакомой комнаты. Он открыл глаза (а были ли они закрыты?) и обнаружил ожидающую его реакции аудиторию.

– Чудесно! – он едва перевел дух. – Кое-что из этого казалось реальней, чем сама реальность!

Потом его инженерное любопытство, никогда не прятавшееся слишком глубоко от поверхности, взяло верх.

– Но даже такой короткий демонстрационный пример должен содержать огромное количество информации. Каким же образом она записана?

– На этих пластинах – таких же, которые использовали и ваши аудиовизуальные системы, но намного большей емкости.

Мнемоник вручил Пулу маленький посеребренный с одной стороны квадратик, очевидно сделанный из стекла; он имел почти те же размеры, что и компьютерные дискеты его молодости, но вдвое толще. Когда Пул наклонял его взад и вперед, пытаясь разглядеть прозрачные внутренности, появлялись радужные вспышки, но это было и все.

Он понял: то, что он держал в руке, было продуктом более чем тысячелетнего развития электроннооптической и других технологий, еще не родившихся в его эпоху. И совсем не удивляло то, что внешне оно очень походило на устройства, которые он знал. Большинство обычных повседневных предметов имели удобную форму и размер: ножи и вилки, книги, ручные инструменты, мебель... а также сменные на-

копители для компьютеров.

– Какова его емкость? – спросил он. – В мое время мы могли вместить до терабайта в чем-нибудь подобного размера. Я уверен, что вы сделали намного лучше.

– Не так много, как вы могли бы вообразить – естественно, существует предел, поставленный самой структурой материи. Между прочим, что такое терабайт? Боюсь, я забыл.

– Позор вам! Кило-, мега-, гига-, тера-... это десять в двенадцатой степени байт. Затем петабайт – десять в пятнадцатой – это столько, сколько я могу себе представить.

– Близко к тому, откуда мы начинаем. Этого достаточно, чтобы сделать запись всего, что любой человек может испытать в течение жизни.

Это было поразительно, но все же не могло так уж удивить. Килограмм желе внутри человеческого черепа был не намного больше, чем пластина, которую Пул держал в руке, и, возможно, не мог сравниться в эффективности с запоминающими устройствами, но зато выполнял так много других функций.

– Но это не все, – продолжал мнемоник. – При некотором сжатии данных можно хранить не только воспоминания, но и саму личность.

– И воспроизвести ее снова?

– Конечно. Прямая обязанность наносборщиков.

Я слышал об этом, но на самом деле никогда не верил, сказал себе Пул.

Когда-то в его столетии казалось достаточно чудесным, что полный жизненный путь большого художника мог быть записан на единственном маленьком диске. А теперь нечто никак не большее по размеру могло содержать и самого художника.

7 Расспросы

– Я счастлив узнать, – сказал Пул, – что, несмотря на все столетия, Смитсоновский институт все еще существует.

– Вы, возможно, его не узнаете, – сказал посетитель, который представился как доктор Алистер Ким, директор отделения астронавтики. —Особенно после того, как он распространился по всей Солнечной системе: основные внеземные экспозиции находятся на Марсе и на Луне, но многие экспонаты, которые юридически принадлежат нам, все еще направляются к звездам. Однажды мы догоним их и вернем домой. Мы особенно стремимся заполучить в свои руки "Пионер-10" – первый искусственный объект, который вырвался за пределы Солнечной системы.

– Полагаю, что я почти догнал его, когда меня обнаружили.

– К счастью для вас – и для нас. Возможно, вы сумеете пролить свет на многие вещи, которых мы не знаем.

– Откровенно говоря, я сомневаюсь, но сделаю все возможное. Я ничего не помню после того, как меня утащила сбежавшая космическая капсула. Хотя в это трудно поверить, но мне сказали, что виноват был ХЭЛ.

– Это действительно так, но это запутанная история. Все, что мы сумели выяснить, записано здесь – приблизительно двадцать часов, но вы, вероятно, можете пропустить боль-

шую часть.

– Вы, конечно, знаете, что Дейв Боумен вышел на капсуле номер 2, чтобы спасти вас, но потом был заблокирован вне корабля, потому что ХЭЛ отказался открывать дверь гаража.

– Но почему, ради Бога?

Доктор Ким слегка вздрогнул. Пул заметил такую реакцию уже не в первый раз.

(Нужно следить за своим языком, подумал он. Кажется "Бог" — неприличное слово в этой культуре, нужно спросить об этом Индру.)

– Существовала одна основная ошибка при программировании ХЭЛа – ему передали контроль над всеми аспектами экспедиции, вы и Боумен об этом не знали, но все это есть в записи...

В любом случае он отключил также системы жизнеобеспечения трех астронавтов, находящихся в анабиозе, – Альфа-команды – и Боумену пришлось помимо всего прочего выбрасывать за борт их тела.

(Итак, мы с Дейвом были Бета-командой – чего еще я не знаю?..)

– Что с ними произошло? – спросил Пул. – Их не спасли так же, как спасли меня?

– Боюсь, что нет: мы, конечно, рассматривали эту возможность. Боумен выбросил их через несколько часов после того, как перехватил управление у ХЭЛа, так что их орбиты немного отличались от вашей. Но этого оказалось достаточ-

но, чтобы они сгорели в Юпитере – в то время как вы прошли по касательной, и гравитация придала вам ускорение, которое привело бы вас в туманность Ориона через несколько тысяч лет...

Осуществляя все вручную – действительно фантастическое предприятие! —Боумен сумел перевести "Дискавери" на орбиту вокруг Юпитера. И там он столкнулся с тем, что Вторая Экспедиция назвала Большим Братом – явным близнецом Монолита Тихо, но в сотни раз больше.

И здесь мы потеряли его. Он покинул "Дискавери" в последней космической капсуле и полетел на встречу с Большим Братом. Вот уже почти тысячу лет нас преследует его последнее сообщение: "Всевышний – он полон звезд!"

(Вот опять! – сказал себе Пул. Никоим образом Дейв не мог сказать так... Должно быть: "Мой Бог – он полон звезд!")

– Вероятно, капсула была втянута в Монолит каким-то инерционным полем, потому что она – и, вероятно, Боумен – пережили ускорение, которое должно было мгновенно их разрушить. Это была последняя информация, которую кто-либо получил в течение последующих десяти лет до совместной русско-американской экспедиции "Леонова"...

– Которая состыковалась с оставленным "Дискавери", так что доктор Чандра смог перейти на борт и повторно активизировать ХЭЛа. Да, я это знаю.

Доктора Ким взглянул слегка обеспокоенно.

– Простите, я не был уверен, как много вам уже рассказа-

ли. Так или иначе, после этого стали происходить странные вещи.

Вероятно, прибытие "Леонова" что-то переключило внутри Большого Брата. Если бы у нас не было этих записей, никто не поверил бы в то, что это случилось. Позвольте мне показать вам... это доктор Хейвуд Флойд, несущий вахту в полночь на борту "Дискавери" после того, как функции корабля были восстановлены. Конечно, вы все это узнаете.

(Действительно, узнаю: как странно видеть давно умершего Хэйвуда Флойда, сидящего на моем старом месте, и немигающий красный глаз ХЭЛа, сканирующего все в секторе обзора. И так же странно осознавать, что мы с ХЭЛом разделили одну и ту же процедуру воскрешения из мертвых...)

На одном из мониторов пропечаталось сообщение, и Флойд лениво спросил:

– О'кей, ХЭЛ. Кто вызывает?

НЕТ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Флойд взглянул слегка раздраженно.

– Очень хорошо. Пожалуйста, прочитай сообщение.

ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ОПАСНО. ВЫ ДОЛЖНЫ УЛЕТЕТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

– Это абсолютно невозможно. Стартовое окно не откро-

ется еще двадцать шесть дней. У нас не хватит горючего для более раннего старта.

МНЕ ИЗВЕСТНЫ ЭТИ ФАКТЫ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ВЫ ДОЛЖНЫ УЛЕТЕТЬ В ТЕЧЕНИЕ ПЯТНАДЦАТИ ДНЕЙ.

– Я не могу воспринимать это предупреждение серьезно, если не знаю его происхождения... кто говорит со мной?

Я БЫЛ ДЭВИДОМ БОУМЕНОМ. ВАЖНО, ЧТОБЫ ВЫ ПОВЕРИЛИ МНЕ. ОБЕРНИТЕСЬ.

Хэйвуд Флойд медленно развернул крутящийся стул от панелей и переключателей компьютерных дисплеев к покрытому тканью велькро подиуму за своей спиной.

("Смотрите внимательно", – сказал Доктор Ким.

Как будто я нуждаюсь в напоминании, подумал Пул...)

Окружающий интерьер палубы наблюдения "Дискавери" с нулевой гравитацией был намного более запылен, чем запомнилось ему: он предположил, что система очистки воздуха еще не была полностью восстановлена. Параллельные лучи такого далекого, но все же ослепительного Солнца, струясь через большие окна, освещали несметное число танцующих пылинок, демонстрирующих классическое броуновское движение.

И вдруг что-то странное случилось с этими частицами пыли; казалось, какая-то сила выстраивала их, унося прочь от центральной точки, присоединяла к другим, пока все они не собрались на поверхности поллой сферы. Эта сфера, около метра в поперечнике, какое-то мгновение парила в воздухе наподобие гигантского мыльного пузыря. Потом она удлинилась, превратившись в эллипсоид, его поверхность начала сминаться, формируя сгибы и углубления. Пул совсем не удивился, когда эллипсоид начал принимать форму человека.

Он видел подобные фигуры, выдутые из стекла, в музеях и на научных выставках. Но этот пыльный фантом даже не приближался к анатомической точности; он был подобен статуэтке из сырой глины или одному из примитивных произведений искусства, найденных в углублениях пещер Каменного века. Только голова была вылеплена с особой тщательностью; и лицо, вне всякого сомнения, было лицом командора Дэвида Боумена.

ПРИВЕТ, ДОКТОР ФЛОЙД. ТЕПЕРЬ ВЫ ВЕРИТЕ МНЕ?

Губы фигуры не двигались: Пул понял, что голос — несомненно, голос Боумена, — на самом деле доносится из решетки динамика.

ЭТО ОЧЕНЬ ТРУДНО ДЛЯ МЕНЯ, И У МЕНЯ МАЛО ВРЕМЕНИ. МНЕ РАЗРЕШИЛИ ДАТЬ ЭТО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ. У ВАС ЕСТЬ ТОЛЬКО ПЯТНАДЦАТЬ ДНЕЙ.

– Но почему... и что вы...?

Но призрак уже исчезал, зернистая оболочка начала распадаться обратно на составляющие ее частицы пыли.

ДО СВИДАНИЯ, ДОКТОР ФЛОЙД. У НАС НЕ МОЖЕТ БЫТЬ НИКАКИХ ДАЛЬНЕЙШИХ КОНТАКТОВ. НО, ВОЗМОЖНО, БУДЕТ ЕЩЕ ОДНО СООБЩЕНИЕ, ЕСЛИ ВСЕ ПОЙДЕТ ХОРОШО.

Когда изображение растаяло, Пул не мог не улыбнуться старому клише Космической эры. «Если все пойдет хорошо» – сколько раз он слышал эту фразу перед полетом!

Фантом исчез: остались только танцующие пылинки, создающие в воздухе свои случайные узоры. С некоторым усилием Пул возвратился к реальности.

– Итак, командор, что вы думаете об этом? – спросил Ким.

Пул все еще был потрясен, и прошло несколько секунд, прежде чем он смог ответить.

– Лицо и голос принадлежат Боумену – готов в этом поклясться. Но что это было?

– Что-то такое, о чем мы до сих пор спорим. Назовите

это голограммой, проекцией; конечно, существует множество способов для фальсификации, если бы кому-то это потребовалось, но не в тех обстоятельствах! И потом, нужно учитывать то, что произошло дальше.

– Люцифер?

– Да. Благодаря этому предупреждению у "Леонова" оказалось достаточно времени, чтобы уйти, прежде чем взорвался Юпитер.

– Итак, как бы там ни было, Боумен настроен дружелюбно и пробовал помочь.

– Возможно. И он может быть ответственным за то "еще одно сообщение", которое мы получили – оно было послано всего за минуту до взрыва. Еще одно предупреждение.

Доктор Ким вернул экран к жизни еще раз. На нем отображался четкий текст: **ВСЕ ЭТИ МИРЫ ВАШИ, КРОМЕ ЕВРОПЫ. НЕ ДЕЛАЙТЕ ПОПЫТОК ТАМ ВЫСАДИТЬСЯ.** То же самое сообщение было повторено около сотни раз, затем буквы исказились.

– И мы никогда не пробовали там приземлиться? – спросил Пул.

– Только однажды, случайно, тридцать шесть лет спустя, когда космический корабль Соединенных Штатов "Галакси" был похищен и упал на Европу, а корабль-близнец "Юниверс" направили для его спасения. Все это здесь, вместе с тем немногим, что рассказали нам роботы о европейцах.

– Я страшно хотел бы их увидеть.

– Они земноводные и бывают всех форм и размеров. Как только Люцифер начал плавить лед, который покрывал весь этот мир, они стали выходить из моря. С тех пор они развиваются с такой скоростью, которая представляется биологически невозможной.

– Из того, что я помню о Европе, там было большое количество трещин во льду? Возможно, они уже тогда начали выползать через них и осматриваться вокруг.

– Это самая популярная теория. Но есть и другая, намного более спекулятивная, чем эта. Здесь каким-то образом, которого мы пока не понимаем, может быть замешан Монолит. Что наводит на мысли об открытии ЛМА-НОЛЬ прямо здесь, на Земле, почти через пятьсот лет после вашей экспедиции. Я полагаю, вам рассказали об этом?

– Очень туманно, мне так много нужно наверстать! Я подумал, что название было нелепым, так как это не было магнитной аномалией и находилось в Африке, а не в кратере Тихо!

– Конечно, вы совершенно правы, но мы придерживаемся этого названия. Чем больше мы узнаем о Монолитах, тем больше возникает загадок. В основном потому, что они все еще представляют собой единственное реальное свидетельство существования высокой технологии вне Земли.

– Это меня удивляет. Хотелось бы думать, что за это время мы приняли откуда-нибудь радиосигналы. Астрономы начали искать, когда я был еще мальчишкой!

– Вообще-то существует один намек, но настолько ужасающий, что мы не любим о нем говорить. Вы слышали о Новой в созвездии Скорпиона?

– Думаю, что нет.

– Конечно, звезды взрываются как Новые постоянно, и этот взрыв не был особенно впечатляющим. Но до того, как это произошло, стало известно, что Новая Скорпиона имеет несколько планет.

– Обитаемых?

– Совершенно ничего не могу сказать; радиоисследования не выявили ничего. И тут этот кошмар...

По счастливой случайности автоматический Патруль Новых поймал событие в самом начале. И началось оно не на звезде. Сначала взорвалась одна из планет, и только потом солнце.

– Мой Бо... извините, продолжайте.

– Вы попали в точку. Для планеты невозможно превратиться в Новую, за исключением одного случая.

– Я однажды прочитал плоскую шутку в научно-фантастическом романе: "сверхновая – это несчастный случай на производстве."

– Это не было сверхновой, но тут не может быть никаких шуток. Самая распространенная теория говорит о том, что кто-то еще, кроме нас, открыл энергию вакуума и потерял контроль.

– Или же это могла быть война.

– Так же плохо; мы, вероятно, никогда этого не узнаем. Но поскольку наша собственная цивилизация зависит от того же самого источника энергии, вы можете понять, почему Новая Скорпиона иногда является нам в кошмарах.

– Да, а у нас причиной волнений были всего лишь ядерные реакторы!

– Не очень долго, благодаря Всевышнему. Но на самом деле я хотел рассказать вам об открытии ЛМА-НОЛЬ, потому что оно обозначило поворотный момент в человеческой истории.

Находка ЛМА-ОДИН на Луне была достаточно сильным потрясением, но пять сотен лет спустя все было гораздо хуже. И произошло это намного ближе к дому – во всех смыслах этого слова. Там внизу, в Африке.

8 Возвращение в Олдувай

Доктор Стивен Дель Марко часто говорил себе, что Луи и Мэри Лики никогда не узнали бы это место, несмотря на то, что оно находилось всего в дюжине километров от тех раскопок, где они пять столетий назад обнаружили кости наших первых предков. Глобальное потепление и Малый Ледниковый период (прерванный с помощью чудес героической технологии) преобразовали пейзаж и полностью изменили биосферу. Дубы и сосны все еще вели борьбу за то, кто из них переживет изменения в климатическом благосостоянии.

Трудно было поверить в то, что к 2513 году в Олдувае осталось хоть что-нибудь, не вырытое восторженными антропологами. Однако, недавние внезапные наводнения, которые, как предполагалось, не случатся больше никогда, заново вылепили рельеф этой местности и срезали несколько метров почвенного слоя. Дель Марко воспользовался представившейся возможностью: и здесь, на пределе глубинного сканирования, обнаружил что-то, во что боялся поверить.

Потребовалось больше года медленных и осторожных раскопок, чтобы добраться до того призрачного изображения и осознать, что действительность оказалась гораздо более странной, чем все, что он смел вообразить. Роботизированные копающие механизмы стремительно удалили первые несколько метров, затем в дело вступили традиционные ко-

манды рабов из числа аспирантов. Им помогала – или препятствовала – бригада из четырех конгов, которые создавали Дель Марко большее количество неприятностей, чем стоили они сами. Однако, студенты обожали генетически измененных горилл, с которыми обращались как с умственно отсталыми, но сильно любимыми детьми. Ходили слухи, что отношения к ним не всегда были полностью платоническими.

Однако, последние несколько метров – это все же была работа для человеческих рук, по старинке вооруженных зубными щетками с мягкой щетиной. Наконец и она была закончена: даже Говард Картер, увидевший первые проблески золота в могиле Тутанхамона, никогда не открывал сокровища, подобного этому. Дель Марко знал, что с этого момента и дальше человеческая вера и философия изменятся необратимо.

Монолит казался точным близнецом того, который обнаружили на Луне пять столетий назад: даже раскопки, окружающие его, были почти идентичны по размеру. И подобно ЛМА-ОДИН он абсолютно ничего не отражал, поглощая с равным безразличием жестокий яркий свет африканского солнца и бледный свет Люцифера.

Когда Дель Марко привел своих коллег – директоров полудюжины наиболее известных музеев мира, трех выдающихся антропологов, глав двух медиаимперий – вниз в яму, то удивился, как долго молчала группа таких выдающихся мужчин и женщин. Это было результатом того влияния, ко-

торое этот эбонитовый прямоугольник оказывал на всех посетителей, особенно после того, как они поняли значение тысяч артефактов, которые его окружали.

Здесь был клад археологических сокровищ – грубо обработанные инструменты из кремня, бесчисленные кости – как животных, так и человеческие – и почти все аккуратно систематизировано. В течение столетий – нет, тысячелетий – эти жалкие подарки приносили сюда существа с самым первым проблеском интеллекта как дань чуду за пределами их понимания.

И за пределами нашего, часто думал Дель Марко. Все же в двух вещах он был уверен, хотя и сомневался, возможно ли их когда-либо доказать.

Первое: он знал время и место, откуда взял начало человеческий род.

И второе: этот Монолит был самым первым из всех многочисленных богов.

9 Небесная страна

– Этой ночью в моей спальне были мыши, – наполовину серьезно пожаловался Пул. – Есть ли какой-нибудь шанс раздобыть кота?

Доктор Уоллис озадаченно взглянула на него, потом начала смеяться.

– Вы, должно быть, слышали одного из чистящих микроволн – я запрограммирую их так, чтобы они вас не тревожили. Не пытайтесь на него наступить, если поймаете за работой; если вы это сделаете, он позовет на помощь, и прибегут все его друзья, чтобы подобрать кусочки.

Так многому надо научиться, и так мало времени! Но нет, на самом деле это не совсем так, напомнил себе Пул. Благодаря достижениям медицины этой эпохи впереди было еще целое столетие. Эта мысль доставила ему удовольствие.

По крайней мере теперь он легко мог следить за большинством разговоров и научился произносить слова так, что Индра уже не была единственным человеком, способным его понимать. Он был очень доволен тем, что английский стал теперь мировым языком, хотя французский, русский и китайский все еще процветали.

– У меня есть еще одна проблема, и я предполагаю, что вы единственный человек, который может мне помочь. Почему люди смущаются, когда я говорю "Бог"?

Индра совсем не выглядела смущенной; на самом деле она рассмеялась.

– Это очень запутанная история. Я бы хотела, чтобы здесь находился мой старый друг доктор Кан, который мог бы объяснить это вам, но он сейчас на Ганимеде, лечит еще оставшихся сторонников Истинной Веры, которых может там найти. Когда все старые религии были дискредитированы – когда-нибудь я расскажу вам о Римском папе Пие XX – одном из величайших людей в истории! – нам все еще необходимо было подыскать слово для обозначения Первоисточника, или Создателя Вселенной, если только он существует...

Было предложено большое количество вариантов – Део, Тео, Юпитер, Брахма, – все они были опробованы, а некоторые из них пытаются использовать до сих пор, особенно любимого эйнштейновского "Старика". Но Всевышний представляется наиболее соответствующим моменту.

– Я попробую запомнить; но все это кажется мне глупым.

– Вы привыкнете к этому: я научу вас некоторым другим относительно вежливым оборотам, которые вы сможете использовать, когда захотите выразить свои чувства...

– Вы сказали, что все старые религии были дискредитированы. Так верят теперь люди, или нет?

– Настолько мало, насколько это возможно. Мы все либо Деисты либо Теисты.

– Вы меня запутали. Дайте определения, пожалуйста.

– Они мало различались в ваше время, но есть самые по-

следние варианты. Теисты верят, что существует не более одного Бога, Деисты – что не менее одного Бога.

– Я боюсь, что отличия слишком тонки для меня.

– Но не для других; вы были бы поражены теми ожесточенными спорами, которые это вызвало. Пять столетий назад некто применил метод, известный теперь как сюрреалистическая математика, чтобы доказать существование бесконечного количества градаций между Теистами и Деистами. Конечно, подобно большинству дилетантов, ищущих бесконечность, он сошел с ума. Между прочим, самыми известными Деистами были американцы: Вашингтон, Фрэнклин, Джефферсон.

– Вы бы удивились, как много людей не понимали этого совсем незадолго до моего рождения.

– Теперь хорошие новости. Профессор Джо Андерсон наконец-то дал свое – что это за фраза? – О'кей. Вы достаточно подготовлены, чтобы совершить небольшую поездку наверх... на Лунный уровень.

– Чудесно. Насколько это далеко?

– О, приблизительно двенадцать тысяч километров.

– Двенадцать тысяч! Потребуется несколько часов!

Индра выглядела удивленной его замечанием: потом она улыбнулась.

– Не так долго, как вы думаете. Нет, у нас пока нет транспортера из "Звездного пути", хотя я верю, что над ним все еще работают! Но вам нужна новая одежда и кто-то, кто по-

казал бы, как ее носить. А также помогал вам с сотнями небольших каждодневных проблем, которые могут отнимать впустую так много времени. Мы взяли на себя смелость подготовить для вас персонального помощника. Входите, Данил.

Данил был маленьким, смуглым человеком где-то за тридцать, который удивил Пула тем, что не поздоровался с ним за руку как обычно, с автоматическим обменом информацией через рукопожатие.

Действительно, вскоре оказалось, что у Данила не было Идентификатора: всякий раз, когда возникала необходимость, он использовал маленький пластмассовый прямоугольник, очевидно служивший для тех же самых целей, что и смарт-карты двадцать первого века.

– Данил также будет вашим гидом и – никогда не могла запомнить это слово – оно рифмуется со словом "балет". Его специально обучали для выполнения этой работы. Я уверена, что он вас вполне устроит.

Хотя Пул оценил этот жест, все же он чувствовал себя немного неудобно. Валет, камердинер, вот что она имела в виду! Он не мог припомнить, чтобы встречал когда-либо хоть одного; в его времени они уже были редкой и исчезающей разновидностью. Он начал ощущать себя персонажем из английского романа начала двадцатого столетия...

– У вас есть выбор, – сказала Индра, – хотя мне кажется, я знаю, что вы выберете. Мы можем подниматься на внеш-

нем подъемнике и восхищаться открывающимися видами, или на внутреннем, и наслаждаться едой и какими-нибудь легкими развлечениями.

– Не могу представить себе кого-то, желающего остаться внутри.

– Вы были бы удивлены. Очень многие испытывают головокружение, особенно посетители снизу. Даже альпинисты, которые утверждают, что добирались до самых высот, зеленеют, когда высоты вместо метров начинают измеряться тысячами километров.

– Все же рискну, – с улыбкой ответил Пул. – Я бывал и повыше.

Когда они прошли через двойной воздушный шлюз во внешней стене Башни (он действительно почувствовал любопытное ощущение дезориентации, или это было только игрой воображения?), то вошли в помещение, которое могло бы быть аудиторией очень маленького театра. Ряды по десять мест были сгруппированы в пять ярусов: все они были обращены к одному из огромных панорамных окон, до сих пор смущавших Пула, так как он никак не мог забыть о сотнях тонн давления воздуха, стремящегося взорвать их и вырваться в космос.

Дюжина или около того других пассажиров, вероятно, никогда не задумывающихся ни о чем подобном, казались совершенно непринужденными. Они улыбнулись, как только узнали его, вежливо кивнули и отвернулись, чтобы насла-

диться зрелищем.

– Добро пожаловать в "Небесный холл", – произнес неизменный голос автомата. – Подъем начнется через пять минут. Бар и туалетные комнаты вы можете найти на нижнем уровне.

Как долго будет продолжаться эта поездка, подумал Пул. Мы собираемся преодолеть более двадцати тысяч километров туда и обратно: это не будет похоже ни на один подъемник, когда-либо известный мне на Земле...

В ожидании начала подъема он наслаждался ошеломляющей панорамой, находящейся на две тысячи километров ниже. В северном полушарии была зима, но климат действительно радикально изменился, поэтому южнее Северного Полярного Круга было очень немного снега.

Европа была почти свободна от облаков, и можно было разглядеть множество поразительных деталей. Один за другим он узнавал большие города, чьи названия отзывались эхом ушедших столетий; они начали уменьшаться уже в его времени, поскольку революция в средствах коммуникации изменила лицо мира, а теперь сократились еще больше. Огромные массы воды находились в самых невероятных местах, например, озеро Саладин в северной Сахаре выглядело совсем как маленькое море.

Пул был так поглощен этим зрелищем, что совершенно забыл о времени. Внезапно он понял, что прошло намного больше пяти минут, а подъемник все еще был неподвижен.

Что-то случилось, или они ожидали опоздавших?

И только тогда он заметил нечто настолько необычное, что сначала отказался верить собственным глазам. Обзор расширился, как будто он уже поднялся на сотни километров! Когда он пригляделся, то заметил внизу новые детали рельефа планеты, вползающие в рамку окна.

Тогда Пул рассмеялся, поскольку нашел очевидное объяснение происходящему.

– Вы одурачили меня, Индра! Я решил, что все происходит на самом деле, а это видеопроекция!

Индра посмотрела на него с шутливой улыбкой.

– Подумайте еще раз, Фрэнк. Мы начали перемещаться десять минут назад. К настоящему времени мы должны подниматься со скоростью... по крайней мере тысячу километров в час. Хотя мне говорили, что эти подъемники могут достигать сотни g при максимальном ускорении, у нас будет не больше десяти на таком коротком отрезке пути.

– Но это невозможно! Шесть g – максимум того, что когда-либо давали мне на центрифуге, и мне не понравилось весить половину тонны. Я знаю точно, что мы не двигались после того, как ступили внутрь.

Пул слегка повысил голос, и внезапно осознал, что другие пассажиры притворялись, будто ничего не заметили.

– Я не понимаю, как это сделано, Фрэнк, но это называют инерционным полем. Или иногда Силой – на букву "С" в честь знаменитого русского ученого Сахарова, правда, дру-

гих я не знаю.

Медленно сознание Пула озарилось пониманием, а также ощущением удивления, смешанного со страхом. Действительно, это была "технология, неотличимая от магии".

— Некоторые из моих друзей мечтали о "космических приводах" — энергетических полях, которые могли бы заменить ракеты и позволяли двигаться безо всякого ощущения ускорения. Большинство из нас считали, что они сумасшедшие, но, как оказалось, они были правы! Мне все еще трудно поверить в это... и если я не ошибаюсь, мы начали терять вес.

— Да, он приближается к лунному. Когда мы выйдем, вы почувствуете себя как на Луне. Но ради Бога, Фрэнк, забудьте, что вы инженер, и просто наслаждайтесь видом.

Это был хороший совет, но даже несмотря на то, что Пул наблюдал проплывающую в его поле зрения Африку, Европу и большую часть Азии, мысли все время возвращались к этому потрясающему открытию. Все же ему не следовало так сильно удивляться: он знал, что после его времени были крупные достижения в разработке космических двигателей, но не предполагал, что они будут иметь такие поразительные применения в повседневной жизни — если этот термин можно было применить к небоскребу высотой тридцать шесть тысяч километров.

Эра ракет должна была закончиться столетия назад. Все, что он знал о топливных системах и камерах сгорания, ионных двигателях малой тяги и термоядерных реакторах, было

полностью устаревшим. Конечно, это больше не имело никакого значения, но он почувствовал печаль, которую ощущал, наверное, шкипер парусника, когда парус уступил место пару.

Его настроение резко изменилось, но он не мог сдерживать улыбки, когда голос робота объявил: "Прибытие через две минуты. Пожалуйста удостоверитесь, что вы не забыли ничего из личных вещей."

Как часто он слышал это объявление на каком-нибудь коммерческом рейсе? Он посмотрел на часы, и был удивлен, что они ушли вперед меньше чем на полчаса. Таким образом, это подразумевало среднюю скорость по крайней мере двадцать тысяч километров час. Но все-таки, не могли же они передвигаться так быстро. И, наконец, самое странное: последние десять минут или чуть больше они должны были тормозиться настолько сильно, что по всем правилам стояли бы на крыше головой к Земле!

Двери бесшумно отворились, и, сделав шаг наружу, Пул снова почувствовал небольшую дезориентацию, которую заметил на входе в зал подъемника. Однако, в этот раз он знал, что это означает: они перемещались через зону перехода, в которой инерционное поле накладывалось на гравитацию этого уровня, равную лунной.

Вслед за ним осторожно вышли Индра и Данил, весившие теперь всего треть их собственного веса, и все вместе они пошли вперед навстречу новым чудесам этого дня.

Хотя вид отдалившейся Земли был устрашающим даже для астронавта, в этом не было ничего неожиданного или удивительного. Но кто мог вообразить себе гигантское, очевидно занимающее всю ширину Башни помещение, дальняя стена которого находилась на расстоянии более пяти километров? Вероятно, теперь существовали и более крупные закрытые помещения на Луне и Марсе, но непосредственно в космосе оно должно было быть одним из самых больших.

Они стояли на платформе обозрения на высоте пятидесяти метров на внешней стене, глядя на удивительно разнообразную панораму. Очевидно, здесь была предпринята попытка воспроизвести весь диапазон земной биосферы. Прямо под ними находилась группа стройных деревьев, которые Пул сначала не смог идентифицировать: потом он понял, что это были дубы, приспособившиеся к одной шестой нормальной тяжести. На что же здесь будут похожи пальмы, подумал он. Вероятно, на гигантские тростники...

Посередине находилось маленькое озеро, питаемое рекой, которая петляла по травянистой равнине, а затем исчезала в чем-то, напоминающем отдельно стоящую гигантскую смоковницу. А где же ее исток? Пул уловил слабый рокочущий звук и, проследив взглядом вдоль плавно изгибающейся стены, обнаружил миниатюрную Ниагару с великолепной радугой, парящей над ней в облаке водяной пыли.

Он мог бы стоять здесь часами, любясь открывшимся видом и все еще не уставая от чудес этого комплекса и бле-

стояще разработанной модели планеты. Возможно, человечество, проникая в новые и враждебные окружающие условия, чувствовало постоянно увеличивающуюся потребность помнить о своем происхождении. Конечно, даже в его собственном времени каждый город имел парки, как правило слабо напоминающие Природу. Те же самые чувства возникали здесь в гораздо большем масштабе. Центральный Парк, Африканская Башня!

– Давайте спустимся вниз, – сказала Индра. – Здесь так много всего можно увидеть, а я приезжаю сюда не так часто, как хотелось бы.

Сопровождаемые тихим, но вездесущим Данилом, который, казалось, всегда знал, когда в нем возникала необходимость, но никогда не путался под ногами, они начали неторопливое исследование этого оазиса в космосе. Хотя при такой низкой гравитации ходить было легко, время от времени они пользовались преимуществами маленькой монорельсовой дороги и однажды даже остановились позавтракать в кафе(?), ловко скрытом в стволе красного дерева, которое должно было иметь по крайней мере четвертькилометровую высоту.

Вокруг было очень немного других людей, все прибывшие пассажиры давно растворились в окружающем ландшафте, как будто эта страна чудес принадлежала только им.

Вся эта красота, вероятно, поддерживалась целыми армиями роботов, время от времени напоминая Пулу посещение

Диснейлэнда, когда он еще был маленьким мальчиком. Но здесь было гораздо лучше: не было никаких толп, и на самом деле мало что напоминало о человечестве и творениях его рук.

Они любовались превосходной коллекцией орхидей, некоторые из которых были огромного размера, и тут Пул испытал одно из самых сильных потрясений в жизни. Когда опроходили мимо типичного маленького сарайчика садовника, открылись двери, и появился сам садовник.

Фрэнк Пул всегда гордился самообладанием и никогда не представлял себе, что будучи взрослым человеком он сможет так заорать от ужаса. Но, как и любой мальчишка его поколения, он просмотрел весь "Парк юрского периода" и мгновенно узнал раптора, с которым столкнулся нос к носу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.